

Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
 Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
 Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ,
 Обезображенныхъ мечемъ,
 Пестрѣла на курганѣ томъ.
 И снѣгъ, окрашенный въ крови,
 Кой-гдѣ протаялъ до земли;
 Кора на дубѣ вѣковомъ
 Была изрублена кругомъ,
 И кровь на ней видна была,
 Какъ будто бы она текла
 Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ..
 И всадникъ вѣхалъ на курганъ,
 Потомъ съ коня онъ соскочилъ
 И такъ въ раздумьи говорилъ:
 „Вотъ мѣсто—мертвый иль живой
 Онъ здѣсь... вотъ дубъ—кѣ ему спиной
 Прижавшись, бѣшеный старикъ
 Рубился—видѣлъ я, хоть мигъ,
 Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
 Съ пятію рабами близъ онъ
 И дорого тебѣ, Литва,
 Досталась эта голова!..
 Здѣсь, сквозь толпу издалека,
 Я видѣлъ, какъ его рука
 Три раза съ саблей поднялась
 И опустилась... Каждый разъ,
 Когда она являлась вновь,
 По ней ручьемъ бѣжала кровь...
 Четвертый взмахъ я долго ждалъ..
 Но съ поля онъ не побѣжалъ,
 Не могъ бѣжать, хотя бѣ желалъ!..
 И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
 Подходить, смотритъ: «это онъ!»
 Главу, омытую въ крови,
 Бояринъ приподнялъ съ земли
 И слабымъ голосомъ сказалъ:
 «И я узналъ тебя! узналъ!
 Ни время, ни чужой нарядъ
 Не измѣняютъ зловѣщій взглядъ
 И это гордое чело,
 Гдѣ преступленіе и зло
 Печать оставили свою.
 Арсеній!—Такъ! я узнаю,
 Хотя могилы на краю,
 Улыбку прежнюю твою,
 И въ ней шипящую змѣю!
 Я узнаю и голосъ твой
 Межъ звуковъ стороны чужой,
 Которыми ты, можетъ быть,
 Его желаешь измѣнить.
 Твой умыселъ постигъ я весь,
 Я знаю, для чего ты здѣсь.
 Но, вѣрный родинѣ моей,
 Не отверну теперь очей,
 Хоть ты бѣ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
 Прощать въ нихъ близкой смерти страхъ.
 И сожалѣнье и печаль...
 Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
 А жаль лишь то, что часть мой билъ,

Покуда я не отомстилъ;
 Что не могу поднять меча,
 Что на рукахъ моихъ, съ плеча
 Омытыхъ кровью до локтей
 Злодѣевъ родины моей,
 Ни капли крови нѣтъ твоей!..
 —«Старикъ! о прежнемъ позабудь...
 Взгляни сюда на эту грудь.
 Она не въ ранахъ, какъ твоя,
 Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
 Ты отомщенъ вполне давно,
 А кѣмъ и какъ—не все ль равно?
 Но лучше мнѣ скажи, молю,
 Гдѣ отыщу я дочь твою?
 Отъ рукъ враговъ земли твоей,
 Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
 Хоть самъ теперь межъ ними я,
 Ее спасти я поклялся!»
 „Скажи скорѣй въ мой старый домъ,
 Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
 Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
 Покуда милый не придетъ.
 Слѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
 Теперь обиженный отецъ
 Дая васъ лишь страшень—какъ мертвецъ!..
 Онъ дальше говорить хотѣлъ,
 Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
 Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
 Но пальцы сжались межъ собой,
 Тѣнь смерти мрачной полосой
 Промчались на его челѣ;
 Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
 Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
 И—духъ отъ тѣла отлетѣлъ.
 Къ нему Арсеній подошелъ,
 И руки сжатые развелъ,
 И поднималъ голову съ земли:
 Двѣ яркія слезы текли
 Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
 Собой лишь свѣтлы, какъ алмазь.
 Спокойны были всѣ черты,
 Исполнены той красоты,
 Лишенной чувства и ума,
 Тайственной какъ смерть сама.
 И долго юноша надъ нимъ
 Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
 Невольно мысля о быломъ,
 Прощая—не прощенный ни въ чемъ!
 И на груди его потомъ
 Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
 Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
 На ней кровавые слѣды
 Вились, чернѣли, какъ бразды.
 Онъ руку къ сердцу приложилъ
 И трепетъ замиравшихъ жилъ
 Ему неясно возвѣстилъ,
 Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
 Кипѣли страсти до конца,
 Что блескъ печальный этихъ глазъ
 Гораздо прежде ихъ погасъ..